

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.161.1 : 81.25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190

КОНЦЕПЦИЯ ПУШКИНСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРУДАХ А. ЛЮТЕРА: ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГЕРМАНИИ

Ю. Н. Варпаева, А. А. Логинова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

В статье рассмотрены аспекты концепции творчества А. С. Пушкина в «Истории русской литературы» (1924), написанной переводчиком, преподавателем, немецким славистом и библиографом Артуром Лютером. Артур Лютер был хорошо знаком с русской культурой и литературой, занимался ими как переводчик и преподаватель. Его желанием было установить взаимопонимание между русским и немецким читателем. В этом отношении его труд представляет собой уникальный опыт понимания литературы другого народа «изнутри» и передачи этого «внутреннего» видения через привычные и близкие «внутренние» образы немецкой литературы. Творчество А. С. Пушкина представлено в книге объективно и беспристрастно, выделены основные этапы его творчества, дана характеристика художественной ценности и значимости его произведений в России. Биография поэта проливает свет на изменение его мировоззрения, отдельно рассматриваются темы поэта и толпы, поэта в искусстве, что сопровождается цитированием профессионально выполненных стихотворных переводов, а не подстрочным прозаическим переводом, как в монографии А. Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (1905). Сопоставление с книгой А. Брюкнера проводится в статье и по другим параметрам: отношение к лирике, драматургии, исторической прозе А. С. Пушкина. А. Брюкнер дает внешний взгляд на личность и творчество русского поэта с позиции европоцентричного сознания, что зачастую приводит к искажению фактов или неверной их интерпретации. Книга А. Лютера не имеет таких недостатков, так как автор долгое время жил в России, получил там образование и занимался просветительской деятельностью в сфере русско-немецких и немецко-русских культурных связей. В настоящее время концепция пушкинского творчества А. Лютера остается актуальной как для русско-, так и для немецкоязычных читателей.

Ключевые слова: А. Лютер; А. Брюкнер; А. С. Пушкин; рецепция творчества А. С. Пушкина за рубежом; немецкоязычная славистика; концепция пушкинского творчества.

Цитирование: Варпаева Ю. Н., Логинова А. А. Концепция пушкинского творчества в просветительских трудах А. Лютера: из истории восприятия русской литературы в Германии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 4 (72). С. 178–190. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190.

The Conception of Pushkin's Art in Arthur Luther's Educational Writings: A Chapter in the German Reception of Russian Literature

Yulia N. Varpaeva, Aleksandra A. Loginova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This article examines aspects of Alexander S. Pushkin's works as analyzed by translator, teacher, German Slavist, and bibliographer Arthur Luther, author of *The History of Russian Literature*, published in 1924 in Leipzig. Luther was deeply familiar with Russian culture and literature through his work as a translator and educator, aiming to foster mutual understanding between Russian and German readers. His approach represents a distinctive attempt to comprehend the literature of another nation "from within" and to convey this perspective through culturally familiar German literary concepts. Luther's work presents Pushkin objectively, highlighting the major stages of his career and evaluating the artistic significance of his oeuvre in Russia. The poet's biography illuminates shifts in his worldview, examines themes such as the poet and society, and emphasizes the role of the poet in art, supported by professional verse translations rather than the interlinear prose translations used in Aleksander Brückner's *A Literary History of Russia* (1905). Comparisons with Brückner reveal that his Eurocentric approach sometimes led to distortions, whereas Luther's extended residence and professional engagement in Russia allowed him to offer a more accurate and nuanced perspective. Today, Luther's insights remain relevant for both Russian- and German-speaking audiences.

Key words: Arthur Luther; Aleksander Brückner; Alexander S. Pushkin; reception of Pushkin's works abroad; German-language Slavic studies; conception of Pushkin's art and life.

Citation: Varpaeva, Yulia N., & Loginova, Aleksandra A. (2025) The Conception of Pushkin's Art in Arthur Luther's Educational Writings: A Chapter in the German Reception of Russian Literature. *LUNN Bulletin*, 4 (72), 178–190. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-72-4-178-190.

1. Введение

Немецкая пушкинистика, оформившаяся в своих основных идеях уже к середине XIX века, в начале века XX совершила новый существенный шаг к вдумчивому осмыслению творчества русского поэта в работах слависта, переводчика, библиографа Артура (Федоровича) Лютера. Его можно назвать фигурой, связующей русскую и немецкую культуры. Он родился в Орле в 1876 г. в семье преподавателя древних языков. Его семья в трех поколениях жила в России, но происходила от рода известного немецкого реформатора Мартина Лютера. Безусловно, А. Лютер прекрасно владел как немецким, так и русским языком, а также еще

несколькими, в том числе французским, на котором он осуществлял свою корреспонденцию с Российской империей в Первую мировую войну. А. Лютер учился в русской гимназии в Орле, в 12 лет напечатал первое стихотворение, затем окончил историко-филологический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени. На него повлияли преподаватели университета, представители культурно-исторической школы, такие как Николай Ильич Стороженко (1836–1906), шекспировед, профессор кафедры всеобщей литературы, и Матвей Никанорович Розанов (1858–1936), историк литературы, приват-доцент Московского университета по кафедре истории западноевропейских литератур, создатель романо-германских отделений на Высших женских курсах.

Именно воздействие Н. И. Стороженко определило выбор А. Лютером преподавательской стези. А. Лютер стал преподавать русский и немецкий языки в гимназии и училище. Благодаря протекции М. Н. Розанова его пригласили преподавать историю западноевропейской литературы сначала на Высших женских курсах, а потом в Московском университете. Помимо преподавательской деятельности, А. Лютер занимался рецензиями на театральные постановки, писал путевые очерки о путешествии по Германии, Австрии, Швейцарии и Италии (1897), сотрудничал с немецкими изданиями в Германии, например с журналом «Литературное эхо» (*Das literarische Echo*). Он первым рассказал в немецкой печати о Брюсове, Бальмонте и Блоке (см. [Харер 2004]). С другой стороны, он печатался в немецкоязычных изданиях в России, например в «С.-Петербургской газете» (*St. Petersburger Zeitung*), открыв в ней литературное приложение *Montagsblatt*, в котором помещал статьи о русской и немецкой литературе.

Эти статьи (о Пушкине, Гоголе, Горьком, Андрееве, Толстом и др.) стали основой его книги «История русской литературы» (*Die Geschichte der russischen Literatur*), впервые изданной в Лейпциге в 1924 г. Помимо этого, А. Лютер выступал с публичными лекциями о литературе в немецких культурных объединениях в России, стал основателем «Литературно-драматического общества» (1904), возглавлял «Московский немецкий союз» (1908). В 1905–1906 гг. благодаря знакомству с В. Брюсовым он сотрудничал с русскими журналами «Весы» и «Русская мысль», в которых печатал статьи о современной немецкой литературе, а также о писателях-юбилярах (Ф. Геббеле, Г. Клейсте). К этому же времени относится и начало переводческой деятельности А. Лютера: русское издание романа Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад».

Таким образом, А. Лютер — многосторонне развитый, эрудированный, одаренный преподаватель, лингвист и филолог, прекрасно ориентировавшийся как в русской, так и в немецкой литературе и культуре, обладавший развитым чувством языка. Он видел себя, безусловно, преподавателем Московского университета, так как собирался вести семинар по сравнительной грамматике германских языков. Для подготовки к нему он был командирован в Германию на лето 1914 г. Но его поездка совпала с началом Первой мировой войны, и он

не смог вернуться в Россию. Дальнейшая его судьба складывалась исключительно в Германии. Ему удалось установить сотрудничество в области книгоиздательства в Лейпциге, он стал редактором книг отдела славянских языков и литератур, а также современной немецкой литературы.

В 1920-х гг. А. Лютер смог издать переводы сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и др., сопровождая их собственными предисловиями и комментариями. Частично эти переводы он осуществлял сам. Кроме произведений русской классики, он знакомил немецкого читателя с творчеством советских писателей (Горького, Леонова, Бабеля, Эренбурга) и представителей русской эмиграции (Мережковского, Ремизова). Последний с большой теплотой относился к А. Лютеру и даже представил его к посвящению в шуточный Обезьяний Орден («Кавалер Обезьяньего знака I степени с дупляным крылышком»), тем самым подчеркнув значимость заслуг А. Лютера перед русской литературой (помимо прочего, Лютер перевел на немецкий язык «Легенды и рассказы» А. Ремизова).

Действительно, А. Лютер много и плодотворно работал — в том числе выпустил в издательстве *Insel* антологию русских переводов немецкой поэзии. Когда же в 1924 г. вышло первое издание его «Истории русской литературы», один из экземпляров он послал А. Ремизову. Напряженная творческая деятельность не прекращалась ни в 30-е, ни в 40-е гг. XX в. После окончания Второй мировой войны А. Лютер читал лекции по современной русской литературе в Марбургском университете, где была открыта славянская кафедра.

Умер А. Лютер в Баден-Бадене в 1955 г. рядом с виллой Тургенева — писателя, с которым был связан местом рождения. В своих «Воспоминаниях» он причисляет себя к немцам, таким образом, можно считать, что сам себя он определял с точки зрения немецкой идентичности. С позиции немецкого культурного сознания он и написал «Историю русской литературы», адресуя ее прежде всего немецкому читателю.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования стала книга А. Лютера «История русской литературы» (*Geschichte der russischen Literatur*), не переведенная на русский язык. Для сопоставления была использована хронологически близкая к ней монография польско-немецкого ученого А. Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (*Geschichte der russischen Literatur*).

В качестве теоретической базы были взяты, во-первых, отечественные историко-литературные работы, касающиеся вопросов межлитературных связей и рецепции А. С. Пушкина на Западе: М. П. Алексеева (Алексеев 1937), Ю. Д. Левина и Ю. М. Лотмана (Левин, Лотман 1966), А. Л. Григорьева (Григорьев 1977), В. И. Кулешова (Кулешов 1977), В. А. Аветисяна (Аветисян 1995), А. Г. Волховской (Волховская 2019), С. Б. Королевой (Королева 2024); а во-вторых, фундаментальные труды по теории рецепции (Потебня 1976; Jauf 1987; Мукаржовский

1994) и по герменевтическому подходу в литературоведении (Лихачев 1968; Гадамер 1988).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В главе монографии, посвященной Пушкину, А. Лютер, как и А. Брюкнер в своей «Русской литературе в историческом развитии», отмечает высокий статус и исключительное значение творчества Александра Сергеевича для русской литературы и культуры: «В лице Александра Пушкина литературный мир наконец обрел своего великого классического поэта. Его упоминают в одном ряду с Гёте и Шекспиром. В Западной Европе это высокое место до сих пор не полностью осознано, и существует тенденция видеть в Пушкине лишь предшественника великих мастеров середины XIX века. Это, однако, несправедливо по отношению к нему, ибо по гениальности он намного превосходит всех своих прекрасных последователей, которые немислимы без него» / «In der Person Alexander Puschkins wurde den Ruffen endlich ihr grosser klassischer Dichter geschenkt. Sie nennen ihn in einem Atem mit Goethe und Shakespeare. In Westeuropa hat man diese hohe Einschätzung noch immer nicht recht begriffen können und ist geneigt, Puschkin nur als Vorläufer der grossen Meister der Jahrhundertmitte anzusehen. Man tut ihm damit aber Unrecht, denn an Genialität überragt er ganz gemiss alle feine Nachfolger, die ohne ihn überhaupt nicht denkbar sind» (Luther 1924: 146)¹. Однако, как и А. Брюкнер, А. Лютер отмечает, что А. С. Пушкин больше был наблюдателем эпохи, а не находился в центре происходящих событий: «Puschkin dagegen stand nicht im Mittelpunkt des reichbewegten Lebens seiner Zeit, sondern betrachtete es nur aus der Ferne» (Ibid: 146).

В отличие от А. Брюкнера, который как бы «игнорирует» широко известное выступление Ф. М. Достоевского «Речь о Пушкине» и не ссылается на него при рассмотрении творчества поэта, хотя влияние его ощутимо при обсуждении «Евгения Онегина» и образа Татьяны Лариной, А. Лютер сразу упоминает великого русского писателя во вступлении к главе: «Достоевский видел коренную черту Пушкина в его приспособляемости, в способности всецело проникаться духом ушедших эпох и чужих народов, и именно эта черта, по мнению Достоевского, делала его русским национальным поэтом. Ибо универсальность, способность воздать должное каждому народу и каждой эпохе, выйти за рамки национального и временного, перейдя к вечно-человеческому, была для Достоевского определяющей чертой русской души, самой сутью её великой всемирно-исторической миссии» / «In der Wandlungsfähigkeit, dem Vermögen, sich ruckhaltlos in den Geist vergangener Zeiten und fremder Völker zu versenken, sah Dostojewskijs den Grundzug von Puschkins Wesen, und eben dieser Zug machte ihn nach Dostojewskij Meinung zum russischen Nationaldichter; denn die Universalität, die Fähigkeit,

¹ Перевод здесь и далее наш. – Ю. В.

jedem Volk und jeder Zeit gerecht zu werden, durch das nationale und Zeitliche zum Ewig-Menschlichen durchzubringen, war für Dostojewskij der Hauptzug der russischen Seele, die Gemahrl ihrer großen weltgeschichtlichen Sendung» (Ibid).

Пушкин, по мнению А. Лютера, является подлинным национальным поэтом России, так как только в его творчестве находят совершенное воплощение настоящая жизнь народа, его природные дарования и характерные черты. В то же время А. Лютер называет А. С. Пушкина основоположником поэтического реализма, течения, которое не просто копирует действительность и идеализирует ее, а одухотворяет и поэтически преображает. В этом отношении, по мнению А. Лютера, Пушкин сопоставим с великим Гёте, каким бы странным ни показалось это сравнение западноевропейскому читателю. Русского поэта чаще сравнивают с Байроном (А. Брюкнер в своей монографии называет Пушкина «русским Байроном» [Brückner 1909: 169]), однако А. Лютер с этим не согласен: «Сопоставление Пушкина и Гёте может показаться западноевропейцам странным; параллель между Пушкиным и Байроном проводится легче, но это лишь показывает, как мало знают и понимают великого русского поэта. Ибо если что-то и поразительно в Пушкине, так это скорость, с которой он превзошел Байрона. Он был не титаном, а олимпийцем, как Гёте; его глубинной сущностью была гармония, но потребовалось много времени, чтобы эта гармония проявилась, потому что внешние условия, в которых проходило его развитие, были слишком неблагоприятны. Тем не менее, кроме Гёте, едва ли найдется другой поэт, в котором субъективность чувства и объективность изображения, чрезвычайно богатая внутренняя жизнь и необычайно зоркий взгляд на красочные явления внешнего мира сочетались бы так гармонично, как в Пушкине» / «Die Nebeneinanderstellung Puschkin — Goethe mag dem Westeuropäer seltsam scheinen; eher schon zieht man die Parallele Puschkin — Byron, zeigt damit aber nur, wie wenig man den großen russischen Dichter kennt und versteht. Denn wenn etwas erstaunlich ist bei Puschkin, so ist es die Schnelligkeit, mit der er Byron überwand. Er war kein Titane, sondern ein Olympier wie Goethe; sein innerstes Wesen war Harmonie, aber es dauerte lange, bis diese Harmonie zum Durchbruch kam, denn die äußeren Verhältnisse, unter denen seine Entwicklung vor sich ging, waren zu ungünstig. Dennoch gibt es außer Goethe kaum einen zweiten Dichter, in dem Subjektivität des Empfindens und Objektivität der Darstellung, ein überaus reiches Innenleben und ein ungemein scharfer Blick für die bunten Erscheinungen der Außenwelt sich so harmonisch paarten wie bei Puschkin» (1924: 146).

При описании биографии Пушкина А. Лютер первым упоминает факт происхождения поэта от Абрама Петровича Ганнибала, особо делая акцент на унаследованный им от прапрадеда «пылкий» (*leidenschaftliche*) темперамент (Luther 1924: 147), в то время как А. Брюкнер указывал сначала на древний боярский род со стороны отца, который позволил Пушкину включить своих предков в действующие лица исторической драмы «Борис Годунов», а затем на родство с арапом Петра Великого (Brückner 1909: 170). Много внимания уделяет А. Лютер

лицейским годам поэта, особо отмечая его литературный вкус и начитанность, удивительную способность к разноплановому творчеству: от анкреонтических песен, романтических баллад в духе Оссиана, чувствительных стихов про лунный свет (*Mondscheinverse*) до патриотических од, эпиграмм и сатир против угрюмых филистеров и плохих стихотворцев (рифмоплетов-метроманов). Крестными отцами Пушкина в поэзии А. Лютер называет Державина, Богдановича, Жуковского и Батюшкова, а также отмечает влияние французских писателей (Лафонтена, Грекура, Парни, Вольтера).

А. Лютер не останавливается подробно на лицейской лирике Пушкина, ее гражданском значении, как это было у А. Брюкнера. Он сразу переходит к освещению первого крупного произведения — сказочно-героической поэмы «Руслан и Людмила», называя ее «сказочным эпосом» (*Märchenepos*). Отмечая, что поэма написана в иронически-фривольном тоне, он проводит параллели подобной обработки материала с «Обероном» Виланда и «Душенькой» Богдановича. А. Брюкнер тоже упоминает «Душеньку» при анализе «Руслана и Людмилы», но сравнивает произведение с поэмами Ариосто, а ее фривольный дух — с французской страстностью (наваянной, видимо, сочинениями Вольтера и Парни). Именно здесь А. Брюкнер пишет о том, что в жилах Пушкина кипит африканская кровь. Оба исследователя отмечают изящество и легкость пушкинского слога: ласкающая приятность стиха, благозвучие языка, изящество и богатство образов (А. Брюкнер), грация, неопишное благозвучие, смелость фантазии, юношеское озорство (А. Лютер).

А. Лютер отмечает как литературные («Арзамас»), так и тайные общества («Зеленая лампа»), в которых состоял Пушкин, указывает на причины так называемой южной ссылки поэта. Подробно перечисляет А. Лютер места его пребывания (Екатеринослав, Кишинев, Одесса, Крым, Кавказ), а также упоминает увлечение Пушкина Байроном с его «мировой скорбью» и «пресыщенностью». Творческой рецепцией Байрона, как отмечает А. Лютер, стали поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы», в последней из которых произошел перелом в мировоззрении поэта, так как главный герой Алеко показан как эгоистичный тоскующий человек (*Weltschmerzer*), от которого после его поступка отворачиваются цыгане, представители естественного, чистого по духу народа.

Следующая ссылка — в Михайловское — с особенным тщанием описывается А. Лютером. У него появляется интересная аналогия, связанная с немецкой культурой: «И Михайловское приобрело для него такое же значение, как итальянское путешествие для Гёте, с той разницей, что он не нашел свой идеал в античности, а решительно обратился к национальному искусству. Этому способствовал не только Шекспир, на которого указывает его биограф Анненков, и не только тщательное изучение источников для трагедии «Борис Годунов», вдохновленной Шекспиром и приблизившей его к духу русской старины, но, прежде всего, непосредственное общение с народом. Он не только просил старую Арину Родионовну

рассказывать ему сказки и петь песни, как в детстве, но и ходил в народ, подобно Мартину Лютеру, “посмотреть, что они говорят на самом деле”, наблюдал за крестьянами за работой и праздниками, собирал народные песни и пословицы» / «Und Michajlowskoje gewann für ihn eine ähnliche Bedeutung wie die italienische Reise für Goethe, mit dem Unterschied, dass er sein Ideal nicht in der Antike fand, sondern sich entschlossen der nationalen Kunst zuwandte. Dazu verhalfen ihm nicht nur Shakespeare, auf den sein Biograph Annenkow hinweist, und nicht nur die gründlichen Quellenstudien, die er zu seiner durch Shakespeare angeregten Tragödie „Boris Godunow“ trieb und die ihm den Geist der russischen Vergangenheit nahebrachten, sondern vor allem die unmittelbare Berührung mit dem Volke. Nicht bloß von der alten Arina Rodionowna ließ er sich, wie in der Kindheit, Märchen erzählen und Lieder vorsingen; er ging auch, wie Martin Luther, unter die Leute, „um ihnen auf das Maul zu sehen“, beobachtete die Bauern bei ihrer Arbeit und ihren Festen, sammelte Volkslieder und Sprichwörter» (Luther 1924: 150).

Сравнение с итальянским путешествием Гёте, приведшим к возникновению знаменитого веймарского классицизма, и отношением к простому народу Мартина Лютера, выдающегося реформатора, красноречиво само по себе, но также это важно для объяснения выдающихся сторон личности русского поэта через знакомые и близкие европейскому (немецкому) читателю соответствия.

Исторически объективно показаны А. Лютером отношения Пушкина с царем. Он не называет его, подобно А. Брюкнеру, прославителем жандармерии или консерватором, примирившимся с самодержавием, подстроившим под нужды царизма свой талант. Это видно в характеристике исторической драмы «Борис Годунов», которую А. Лютер рассматривает только с позиции литературной значимости: «Он [народ] представлен во всех своих сословиях и группах, от боярина до нищенствующего монаха, и каждый персонаж, даже самый маленький, выглядит индивидуальным и ярким. Здесь мы видим, чему Пушкин научился у Шекспира. У каждой из этих фигур есть своя особенность, свои ясно обозначенные черты, но все вместе они образуют единое целое — народ. Помимо грибоедовской комедии нравов, Пушкин делает решительный шаг к народной драме. Он показывает нам кусочек русского прошлого с такой реалистичностью, с какой не справлялся ни один поэт до него, — и всё же мы воспринимаем это прошлое как живое настоящее. Ведь яркость и достоверность своих народных сцен Пушкин черпал не только из древнерусских летописей, которые он так усердно изучал, и не только из Шекспира; лишь потому, что он сам узнал и полюбил народ в годы изгнания, он смог изобразить его таким образом» / «Es ist in all seinen Klassen und Gruppen vertreten vom Bojaren bis zum Bettelmönch, und jede, auch die kleinste Episodenfigur wirkt individuell und lebendig. Hier zeigt sich, was Puschkin von Shakespeare gelernt hat. Jede dieser Gestalten hat ihre Eigenart, ihre scharf ausgeprägten Züge, alle zusammen aber bilden sie eine Einheit, eben das Volk. Über die Gesellschaftskomödie Gribojedows hinaus macht Puschkin den entscheidenden Schritt zum Volksdrama. Er zeigt

uns ein Stück russischer Vergangenheit, so wirklichkeitsgetreu, wie es keinem Dichter vor ihm gelang, - und doch empfinden wir diese Vergangenheit als lebendige Gegenwart. Denn die Lebendigkeit und Echtheit seiner Volksszenen hat Puschkin nicht nur aus den von ihm so fleißig studierten altrussischen Chroniken, nicht nur von Shakespeare; nur weil er selbst in den Jahren der Verbannung das Volk kennen und lieben gelernt hatte, konnte er es so darstellen» (Luther 1924: 153). А. Лютер не только подчеркивает литературные достоинства произведения, но и пишет о критическом восприятии его современниками. Основу его исследовательского метода прежде всего составляет историческая объективность.

Наиболее значительным произведением Пушкина А. Лютер называет роман в стихах «Евгений Онегин». Главный герой — разочарованный в себе и окружающем мире человек. Но это уже не тип Чайльд-Гарольда Байрона, а лишь «москвич в Гарольдовом плаще». Больше внимание уделяется, как и у А. Брюкнера, образу Татьяны Лариной (в чем сказывается, по всей видимости, влияние «Пушкинской речи» Достоевского): «Пушкинская Татьяна — один из самых прекрасных и трогательных образов не только русской, но и мировой литературы. Она неисчерпаема, как и любой образ, созданный великим поэтом с полной самоотдачей и полным использованием своего мастерства. И она тоже стоит в авангарде, казалось бы, бесконечного ряда женских образов русской литературы. Впервые в русской литературе одаренный, но слабый мужчина противопоставляется столь же одаренной, но сильной женщине. Таким образом, Пушкин обратился к проблеме национального характера, оставившей глубокий след в последующей отечественной литературе (Т. Коммичау). Тип женщины, который так любили великие русские поэты позднейшего времени, тип, прославивший русскую женщину во всем мире, — это тип Татьяны» / «Puschkins Tatjana ist eine der schönsten und rührendsten Gestalten nicht nur der russischen, sondern der Weltliteratur, unerschöpflich, wie jede Gestalt, die ein großer Dichter mit voller Hingabe, mit Einsatz seines ganzen Könnens schafft. Und auch sie steht an der Spitze einer schier endlosen Reihe von Frauengestalten der russischen Literatur. Zum ersten Mal im russischen Schrifttum ist hier der begabte, aber schwache Mann dem ebenso begabten, aber starken Weibe gegenübergestellt. Puschkin hat damit ein Problem nationalen Wesens aufgegriffen und behandelt, das in der heimischen Literatur der Folgezeit tiefe Spuren hinterlassen hat (Th. Commichau). Der Frauentypus, den die großen russischen Dichter der späteren Zeit uns so lieben gelehrt haben, der den Ruhm der russischen Frau durch die ganze Welt getragen hat, ist der Tatjana-Typus» (Luther 1924: 155–156).

Удивительной русской женщиной, которая оказала огромное влияние на жизнь и творчество поэта, как отмечает Лютер, стала его жена Наталья Гончарова. В отличие от А. Брюкнера, который лишь обмолвился о ней в конце своего очерка, А. Лютер дает подробные сведения об истории сватовства поэта, силе его чувства, необыкновенной красоте его избранницы. Он связывает события личной жизни поэта с его творческим вдохновением: «Среди всего этого поражает

творческая энергия Пушкина. Его прекрасные, поистине народные сказки, до сих пор любимые всеми русскими детьми, появляются в годы его супружества, как и повесть “Дубровский”, своеобразный, истинно русский аналог повести Клейста “Михаэль Кольхаас”» / «Erstaunlich bleibt bei alledem die Schaffensfreudigkeit Puschkins. In die Jahre seiner Ehe fallen seine wunderschönen, echt volkstümlichen Märchen, heute noch eine Lieblingslektüre aller russischen Kinder, ferner die Novelle „Dubrowskij“, ein eigenartiges, echt russisches Seitenstück zu Kleists „Michael Kohlhaas“» (Luther 1924: 155–159). Отсылка к Г. Клейсту — находка самого Лютера: в России о сходстве этих произведений Пушкина и Клейста впервые написал Б. Пастернак в 1940-х гг.

Особое внимание уделяется в «Истории...» А. Лютера поэме «Медный всадник», которая понимается им в русле философского осмысления противоборства между природой и человеком. В отличие от А. Брюкнера, А. Лютер не упоминает ни предысторию создания произведения, ни полемику Пушкина с Мицкевичем, но при этом упоминает тот факт, что Николай I не разрешил ее печатать и она впервые была опубликована в посмертном собрании сочинений, составленном Жуковским.

При этом А. Лютер подчеркнуто отмежевывается от тех, кто считает А.С. Пушкина политизированным писателем и, отмечая стихотворение 1831 г. «Клеветникам России», пишет в связи с его содержанием (фактически по-своему интерпретируя «русскую идею» Достоевского — в том ее виде, в котором она была высказана в «Пушкинской речи»), что у России есть особая задача, или миссия (*Aufgabe*): объединить и примирить между собой народы, которыми она правит (Luther 1924: 160).

Отмечая и комментируя различные проявления гражданской мысли Пушкина, А. Лютер большим достоянием мировой культуры считает тему свободы искусства — то, каким образом она освещается в творчестве Пушкина: «Пафос свободы искусства, которую мы сегодня рассматриваем как одно из величайших достижений Пушкина, подвергся критике не только со стороны его современников, но и со стороны некоторых историков литературы XX века» / «Dieses Eintreten für die Freiheit der Kunst, indem wir heute mit eines der größten Verdienste Puschkins sehen, wurde ihm nicht nur von den Zeitgenossen, sondern auch noch von manchen Literarhistorikern des 20» (Luther 1924: 160).

В связи с темой искусства А. Лютер осмысляет пушкинские «Египетские ночи» как горькое высказывание поэта о себе и «толпе», воспринимающей его как своего слугу, как источник удовольствия: «Самое горькое и невыносимое зло для поэта — его профессия и ее наименование, которым он заклемен и от которого он никогда не сможет избавиться. Публика смотрит на него как на свою собственность; по мнению дворян, он рождён для их пользы и удовольствия» / «Das bitterste und unerträglichste Übel für den Dichter ist sein Beruf und der Name, mit dem er gebrandmarkt ist und den er nie los wird. Das Publikum sieht ihn als sein

Eigentum an; nach der Meinung der Herrschaften ist er zu ihrem Nutzen und ihrem Vergnügen geboren» (Luther 1924: 162).

В Пушкине А. Лютер видит не только великого поэта, но и талантливейшего прозаика. В частности, о повести «Капитанская дочка» (эпизод захвата Белогорской крепости мятежниками) он замечает следующее: «...Все эти маленькие, смешные люди считают совершенно естественным погибнуть, но не присягнуть на верность мятежнику Пугачеву и идут на смерть как истинные герои, но без всякого героического жеста. Нет ничего более безжалостного и в то же время более трогательного, чем сцена в седьмой главе, где Пугачев допрашивает защитников крепости, а адъютант спокойно говорит ему: “Ты нам не царь, ты разбойник и самозванец, дядюшка”. Лишь несколько сцен в “Севастополе” и “Войне и мире” Льва Толстого можно сравнить с гениальной повестью Пушкина» / «Alle diese kleinen, lächerlichen Menschen halten es für selbstverständlich, lieber zu sterben als dem Rebellen Pugatschow den Treueid zu leisten, und gehen als wirkliche Helden, aber ohne jede heroische Geste in den Tod. Es gibt nichts Unpathetischeres und dennoch Ergreifenderes als die Szene im siebenten Kapitel, wo Pugatschow die Verteidiger der Festung verhört und der Adjutant ihm in aller Ruhe sagt: “Du bist unser Zar nicht, du bist ein Räuber und Betrüger, Onkelchen”. Nur noch einzelne Szenen in Leo Tolstoj’s “Sewastopol” und „Krieg und Frieden” lassen sich mit Puschkins Meisternovelle vergleichen» (Luther 1924: 162).

В книге А. Лютера «История русской литературы», в отличие от монографии А. Брюкнера, нет примысливаний, связанных с вхождением в академический дискурс имагологического мифа о России, при этом мы видим отчетливую ориентацию на культурное сознание именно немецкого читателя, попытку объяснения русских реалий через понятные немцу образы и персоналии. В то же время, стремясь представить читателю строгий очерк творчества великого русского поэта, А. Лютер выражает сочувственное отношение к поэту и благоговейное — к его творчеству, выделяет в нем темы, которые представляются ему самому и его читателю наиболее значимыми. Фактически Лютер осмысляет пушкинское творчество, исходя из двойной перспективы немецкой и русской культуры (взгляд «снаружи» становится или совмещается со взглядом «изнутри»), в то время как А. Брюкнер, обладая не менее обширными знаниями, остается носителем европейского и европоцентричного сознания.

Представляется, что переводческая (то есть посредническая) деятельность во многом способствовала формированию этой двойной перспективы. В списке русских авторов, к чьему творчеству А. Лютер обращался в своих переводах, — А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, И. С. Шмелев. У Пушкина он перевел

повесть «Капитанская дочка», роман «Дубровский» и шесть сказок. Плодотворность, многоаспектность и разносторонность переводческой деятельности А. Лютера не могла не быть основана на искреннем интересе к русской литературе и культуре, глубококом ее знании и свободном владении русским языком.

4. Заключение

Книга А. Лютера — значимый научно-просветительский труд, нацеленный на популяризацию русской литературы в немецкоязычной среде и формирование двойной перспективы на духовный мир русской культуры, — стала вехой на пути осмысления немецким читателем истории, форм существования и особенностей содержания русской литературы. Как отмечено в рецензии на нее известного критика и философа Ф. А. Степуна (бывшего гимназического ученика А. Лютера), выход «Истории...» Лютера в свет оказался очень своевременным культурным событием, так как в Германии, при всем интересе к России, к началу 20-х гг. XX века не знали никого из русских писателей и поэтов, кроме Достоевского, Толстого и Тургенева.

Справедливыми и сегодня видятся смысловые акценты, расставленные в этой рецензии: книга Лютера «пронизана живым, чутким и внутренне-русским отношением к нашей литературе», «нигде не соскальзывает в то типичное непонимание России, которое сквозит во всех иностранных исследованиях ее духовного облика», а посему дает необходимое представление о «древности, богатстве, полноте и многообразности русского духовного творчества» (Степун 1925).

Список литературы / References

- Аветисян В. А.* К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // Пушкин: исследования и материалы / под ред. М. П. Алексеева. СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 155–160. [Avetisyan, Vladimir A. (1995) K voprosu o recepcii Pushkina v Germanii (On the Question of Pushkin's Reception in Germany). In Alekseev, Mihail P. (ed.) *Pushkin: issledovaniya i materialy* (Pushkin: Research and Materials). St. Petersburg: Nauka, Vol. 15, 155–160. (In Russian)]
- Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3. С. 104–152. [Alekseev, Mihail P. (1937) Pushkin na Zapade (Pushkin in the West). In *Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii* (Pushkin: Chronicles of the Pushkin Committee) / USSR Academy of Sciences. Institute of Literature. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Issue 3, 104–152 (In Russian)].
- Волховская А. Г.* Творчество А. С. Пушкина в критике и литературоведении Испании 1840-х — 1980-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. [Volkhovskaya, Anna G. (2019) *Tvorchestvo A. S. Pushkina v kritike i literaturovedenii Ispanii 1840-h — 1980-h gg.* Dis. ... kand. filol. nauk. (The Work of A. S. Pushkin in Criticism and Literary Criticism of Spain in the 1840s — 1980s. PhD Thesis in Philology). Moscow, 2019. (In Russian)].
- Гадамер Г.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans-Georg (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoj germenevtiki* (Truth

- and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics) / translated from German. Moscow: Progress. (In Russian)].
- Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Ленинград: Наука Ленингр. отд-ние, 1977. [Grigoriev, Alexey L. (1977) *Russkaya literatura v zarubezhnom literaturovedenii* (Russian Literature in Foreign Literary Studies). Leningrad: Nauka Leningr. otd-nie. (In Russian)].
- Королева С. Б. Морис Бэринг и А. С. Пушкин: перевод и проблемы формирования литературного канона // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 88–113. [Koroleva, Svetlana B. (2024) Moris Bering i A. S. Pushkin: perevod i problemy formirovaniya literaturnogo kanona (Maurice Baring and A. S. Pushkin: Translation and Problems of Literary Canon Formation). *Imagology and Comparative Studies*, 22, 88–113. (In Russian)].
- Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. [Kuleshov, Viktor I. (1977) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoj Evropy v XIX veke (pervaya polovina)* (Literary Connections between Russia and Western Europe in the 19th Century (First half)). 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)].
- Левин Ю., Лотман Ю. Восприятие лирики Пушкина в Германии: рецензия на издание: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870). Berlin, 1964 // Русская литература. 1966. № 2. С. 250–253. [Levin, Yury, & Lotman, Yury. (1966) Vospriyatie liriki Pushkina v Germanii: recenziya na izdanie: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870) (The Perception of Pushkin's Lyrics in Germany: Review of the Edition: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820–1870)). Berlin, 1964. *Russian Literature*, 2, 250–253. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. [Likhachev, Dmitry S. (1968) Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedeniya (The Inner World of a Work of Art). *Voprosy literatury*, 8, 74–87 (In Russian)].
- Мукашевский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чеш. М.: Искусство, 1994. [Mukašovský, Jan (1994) *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* (Studies in Aesthetics and Theory of Art) / translated from Czech. Moscow: Art. (In Russian)].
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. [Potebnya, Aleksandr A. (1976) *Estetika i poetika* (Aesthetics and Poetics). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Степун Ф. А. [Рец.] А. Luther. Geschichte der russischen Literatur. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924 // Современные записки. 1925. № XXVI. С. 479–482. [Stepun, Fedor A. (1925) [Review] A. Luther. Geschichte der russischen Literatur. Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924. *Sovremennye zapiski*, XXVI, 479–482. (In Russian)].
- Харер К. Тройные почести. А. Ф. Лютер и его «Воспоминания». Перевод Марины Кореневой // Звезда. 2004. № 9. С. 159–168. [Harer, Klaus. (2004) Trojnye pochesti. A. F. Lyuter i ego «Vospominaniya» (Triple Honors. A. F. Luther and His Memories). Translated by Marina Koreneva. *Zvezda*, 9, 159–168. (In Russian)].
- Jauß H. R. (1987) *Die Theorie der Rezeption — Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte*. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

- Brückner, Alexander. (1909) *Geschichte der russischen Literatur. Zweite Ausgabe*. Leipzig: C. F. Amelangs Verlag. (In German).
- Luther, Arthur. (1924) *Geschichte der russischen Literatur*. Leipzig. (In German).